

ПЕРЕВОД КАК «ПУСКОВОЙ МЕХАНИЗМ» ПРИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Л.Д. Маевская

Текст как сложный коммуникативный механизм, как посредник в процессе коммуникации продолжает оставаться в поле зрения лингвистов и его исследование стало одним из ведущих направлений лингвистической теории текста, что подтверждают работы ученых-лингвистов (Каменская О.Л., Кубрякова Е.С., Селиванова Е.А., Красных В.В., Потебня А.А., Почепцов Г.Г. и др.) 90-х годов ушедшего века. Доктор филологических наук Селиванова Е.А. отмечает, что «текстовая коммуникация осуществляется на основе лингвопсихоментальной и нейрофизиологической деятельности коммуникантов: порождающей для автора и рецептивной для адресата — и их предметно-коммуникативного опыта [1, 16]. Приняв антропологический подход в понимании языка как продукта человеческой деятельности, которая зафиксирована в текстах как вербально-знаковых результатах, лингвистика XXI в. выдвинула на первый план исследование коммуникативного взаимодействия индивидов. Коммуникация стала рассматриваться в связке с когнитивными, социальными, культурными, социологическими, политическими и другими факторами.

Автор статьи предлагает небольшое исследование текстов из книги “*Deutschland in kleinen Geschichten*”, появившейся в издательстве *Deutscher Taschenbuch Verlag* после объединения двух германских государств. Книга представляет собой ряд текстов – статей разных авторов с параллельным переводом. Само название книги “*Deutschland in kleinen Geschichten*”, переведено как «Немцы о себе и о Германии», что абсолютно правильно отображает содержание изложенного и оправдывает отсутствие в переводе вербальных единиц “*Deutschland, Geschichten*», т.к. предложенный перевод названия книги более ёмкий и удачный и не искажает содержания. Языковые формы, выбранные переводчиком, являются оптимальным выражением того концепта, который стоял за вербальной формой исходного текста. Далее идет зачин такого плана:

Russen wollen wissen: Wie lebt ihr? Ihr, unsere einstigen Kriegsgegner und Besiegten, nun unsere “Partner”? Ihr Kapitalisten, die ihr nicht Amerikaner und uns – dem russischen Volk und der russischen Regierung – freundlich zugewandt seid? Was sollen wir von euch lernen – und was, nach eurer Ansicht, lieber nicht? Wie erklart ihr euch anderen? Was sind die euch beschäftigenden Ereignisse, Vorstellungen, Grundbegriffe? Wie steht ihr zu eurer Geschichte?	Русским хотелось бы знать: Как вы живете? Вы, наши бывшие военные противники и побежденные, а теперь наши «партнеры»? Вы, капиталисты, не американцы, вы, относящиеся к нам – русскому народу, русскому правительству – дружелюбно? Чему мы должны у вас научиться, а чему, по вашему мнению, лучше не стоит? Как вы объясните другим, какие вы? Какие события, представления и основные понятия волнуют вас? Как вы относитесь к своей истории?
---	--

Здесь переводчик допускает некоторую вольность, заменив категоричное: «*Русские хотят знать*» на более мягкое и нейтральное «*Русским хотелось бы знать*». Видимо, переводя эту фразу таким образом, он отдает дань изменившимся коренным образом отношениям между нашими странами и характеризует ценностную ориентацию.

Для анализа мною отобраны 7 (семь) текстов политического характера, отображающие жизнь страны в разное время:

Die Mauer – Стена

Achter Mai 1945 — 8 мая 1945 года

Willy Brandt im Warschauer Ghetto — Вилли Брандт в Варшавском гетто

Die weisse Rose – Белая роза

Der Erzzivilist aus Köln – Штатский человек из Кёльна

Amerikanisierung – Американизация

Eine normale Nation? – Нормальная нация?

Я сразу же столкнулась с трудностью определения жанра, понимая, что каждый текст в процессе коммуникации представляет определенный речевой жанр, для которого характерны те или иные параметры, составляющие разнообразие текстов. С моей точки зрения это тексты-воспоминания, тексты-размышления, тексты-оценки, тексты-сопереживания. Эти тексты выполняют не одну, а несколько функций: художественную, нравственную, юридическую, философскую, политическую, социальную, познавательную, социально-историческую, которые тесно связаны между собой.

Итак, “Die Mauer” – «Стена».

Nichts hat die Trennung zwischen Ost und West und den beiden Deutschländern so symbolisiert wie die Grenzanlagen, die vom 13. August 1961 an von der DDR errichtet und vereinfacht “Die Mauer” genannt wurden. Das Bauwerk, das die Flucht der Menschen aus der DDR auf die “Insel” Berlin-West verhindern sollte, wurde zu einem Fixpunkt der	Ничто так не символизировало раскол между Востоком и Западом и двумя Германиями, как пограничные сооружения, которые начали возводиться 13 августа 1961 года по инициативе ГДР и были коротко названы «Стена». Сооружение, которое должно было препятствовать бегству людей из ГДР на «остров» Западный
--	---

internationalen Politik. Es erfüllte achtundzwanzig Jahre lang seinen Zweck. Nachdem in den fünfziger Jahren und bis zum 12. August 1961 etwa zweieinhalb Millionen Menschen, oft gut qualifizierte Arbeitskräfte, vor den staatlichen Repressalien davongelaufen waren (andererseits angezogen von der Prosperität der Bundesrepublik), waren nun die Zugänge ins westliche Berlin gesperrt.	Берлин, стало точкой отсчета в международной политике. 28 лет выполняло оно свое назначение. После того как в пятидесятые годы и до 12 августа 1961 года около двух с половиной миллионов человек, подчас квалифицированные кадры, сбежали от государственных репрессий (с другой стороны, привлеченные благополучием Федеративной Республики), все проходы в западную часть Берлина были закрыты.
Nun konnte man nur unter Lebensgefahr die DDR verlassen, und es folgten, vor allem in den sechziger Jahren, viele dramatische Fluchtgeschichten, die meistens mit Schüssen, oft mit Toten und selten glücklich endeten.	Отныне ГДР можно было покинуть только под угрозой для жизни. И последовали, главным образом в шестидесятых годах, драматичные истории побегов, в большинстве своем заканчивавшихся выстрелами, часто убитыми и редко – удачно.
Mit der "neuen Ostpolitik" Willy Brandts wurde sie Ziel der westlichen Politik: Da sie nicht zu beseitigen war, sollte sie wenigstens durch Reiseerleichterungen unterwandert werden.	С «новой восточной политикой» Вилли Брандта она стала целью западной политики: поскольку нельзя было устранить, то по крайней мере ее надо было расшатать, ослабив режим въезда и выезда.
So überraschend wie der Bau kam der Fall der Mauer im November 1989. Die Glückstränen über die Befreiung waren echt, in Ost und West. Zehntausende zerschlugen den Mauerbeton. Hastig hat man die Reste abgerissen, Berlin hat seine größte Attraktion verloren, und heute fragen die wenigen Touristen, die noch kommen: Wo ist sie denn nun, die Mauer? Es gibt sie noch, unsichtbar als "Mauer im Kopf" der Deutschen. Aber auch da wird sie schwinden, und das bekannteste Ostprodukt wird bald nur noch im Museum und in Geschichtsbüchern zu besichtigen sein.	Также неожиданно, как и ее строительство, в ноябре 1989 года пришел конец стены. Слезы радости освобождения были неподдельными, как на Востоке, так и на Западе. Десятки тысяч разбивали бетон. Поспешно снесли остатки, и Берлин потерял свою самую главную достопримечательность. И по сей день спрашивают те немногие туристы, которые еще приезжают: «Ну, а где же она, стена?» Она еще существует, невидимой «стеной в головах» немцев. Но и там она скоро исчезнет, и самый знаменитый продукт Востока можно будет увидеть лишь в музее и учебниках истории.

Этому тексту, как и выбранным другим, присуща связность, последовательность языковых единиц – предложений, смысловая законченность. Сильным является и психологическое восприятие текста. Прагматический подход мы видим в отношении автора текста к действительности, к содержательному материалу. Что касается лингвистического оформления текста, то оно четко и использованные лексические единицы оказывают эмоционально-эстетическое воздействие, адресованность информации способствует осуществлению коммуникации. Здесь вслед за Селивановой Е.А. можно утверждать, что на вербальную коммуникацию накладывается сопутствующая ей невербальная коммуникация, так как чтение текста предполагает *обязательную работу сознания читателя*. «Коммуникация со стороны адресата предполагает не только декодирование семантики языковых знаков, но и раскрытие глубинных смыслов текста, авторских стратегий и целевой программы, использование фоновых знаний ...»[1, 34]. В этом случае мы говорим об осуществлении психомыслительного процесса в сознании адресанта, наряду с вербализацией.

Анализируя перевод текста, мы должны помнить об особенностях переводческой деятельности, ибо переводчик – это «интерпретатор концептуальной программы, заложенной в исходном тексте и ... «савтор» концептуальной программы, заданной в конечном тексте» ..."[2, 125]. Переводческая компетенция – это лингвистическая компетенция. Ко многим её составляющим относится и способность обеспечить идиоматическую связь слов, которая отвечала бы принятым в данном языке нормам синтаксической и лексической сочетаемости, что подтверждается приведенными выше фрагментами перевода. Я бы хотела обратить внимание на вербальную единицу *Reiseerleichterung*, переведенную как «ослабив режим въезда и выезда», хотя «*Erleichterung*» означает «облегчение, льгота». Видимо это тот случай, когда «концепт и вербальная единица» взаимно активизируют друг друга, являя собою как бы зеркальное отражение ментальных

структур, обусловленное хорошими фоновыми знаниями, т.е. русский переводной вариант «ослабив режим въезда и выезда» контекстуально корректен и репрезентирует русский штамп сознания.

Обратимся теперь к функциональной цели перевода, так как существующая функциональная теория перевода определяет цель (тип) перевода через функцию. По Х. Шмидту следует различать преобразующий перевод, непреобразующий перевод. Последний он подразделяет на элементарный и тотальный переводы. Элементарный перевод представляет собой информативный перевод, а также подстрочный перевод. Тотальный же перевод требует прямого соответствия между общей содержательной структурой перевода и оригинала, когда стилистическая оформленность текста, его смысл являются релевантными.

Вот фрагменты перевода нескольких текстов.

Achter Mai 1945

Восьмое мая 1945 года

<p>Der Krieg war zu Ende. Acht Tage später unterzeichneten die Generale, die sich zwölf Jahre lang vor dem Diktator erniedrigt hatten, die Kapitulation. Das war sie, die gefürchtete, die ersehnte Niederlage. Sie kam für Millionen Menschen zu spät, Deutsche, Juden, Russen, Polen, Amerikaner, Briten, Franzosen, Italiener – für alle.</p>	<p>Война закончилась. Через восемь дней генералы, двенадцать лет унижавшиеся перед диктатором, подписали капитуляцию. Это было поражение, которого боялись, которого страстно желали. Оно пришло слишком поздно для миллионов людей – немцев, евреев, русских, поляков, американцев, англичан, французов, итальянцев – для всех.</p>
<p><i>Willy Brandt im Warschauer Ghetto</i></p>	<p><i>Вилли Брандт в Варшавском гетто</i></p>
<p>... ich war dabei, als Willy Brandt dort, wo einst das Warschauer Ghetto gewesen ist, auf die Knie ging. Willy Brandts Reise nach Warschau war Teil der von ihm gewollten und gestalteten Entspannungspolitik; im Jahr zuvor hatten ihm dazu die Wähler den Auftrag erteilt. Aus politischer Einsicht bewies er den Mut, das ideologische Grabensystem des Kalten Krieges zu unterlaufen. Er nahm die Folgen des von den Deutschen begonnenen und verlorenen Kriegs auf sich und handelte aus Verantwortung. Die Reise nach Warschau bedeutete ja nicht nur – was viel war – die Anerkennung der Oder-Neiße-Linie als östliche Grenze Deutschlands, vielmehr galt Warschau als der Ort, von dem aus der von uns Deutschen zu verantwortende Völkermord an den Juden seinen Ausgang genommen hatte. Eine solch beschwerliche Reise war von Anbeginn umstritten.</p>	<p>... я присутствовал при том, как Вилли Брандт преклонил колени перед тем местом, где когда-то было Варшавское гетто. Поездка Вилли Брандта в Варшаву была частью политики разрядки напряженности, инициатором и исполнителем которой он был. За год до этого избиратели своими голосами дали ему право на проведение этой политики. Он проявил политическую мудрость и бесстрашие, уйдя от окопной тактики холодной войны. Он принял на себя ответственность за войну, начатую и проигранную немцами, и его действия определялись этой ответственностью. Ведь посещение Варшавы означало не только – что само по себе уже было много – признание линии по Одеру-Нейсе восточной границей Германии. В гораздо большей степени Варшава означала место, откуда началось истребление еврейского народа, ответственность за которое лежит на нас, немцах. Такой тягостный визит с самого начала вызывал споры.</p>

На мой взгляд, это перевод с хорошим результатом, налицо прямое соответствие авторского текста и текста перевода, это коммуникативная и информативная удача. Переданы нравственные, социокультурные, социально-исторические, политические константы перевода.

Текст «Белая роза» я хотела бы выделить в силу того, что здесь наиболее ярко обозначено соединение владения иностранным языком с познанием и пониманием иноязычной истории и культуры. Понимание характеризует отношение человека к миру. Предлагаемый для анализа текст представляет собой текст-диспут, переданный через воспоминания, участники – 2 немца. Для нас этот текст интересен с исторической и культурной точки зрения, т.к. в межкультурной коммуникации одним из способов достижения понимания может быть сравнительный анализ. При акцентировании новых отношений субъект в значительной степени идентифицирует себя с чужой средой через сравнение с аналогичными явлениями в собственной культуре. Вот несколько отрывков из текста:

<p>Das Wort "Held" ist in meiner Generation – ich bin Jahrgang 1974 – nicht mehr gebräuchlich, aber ich stelle mir vor, es meint hier nichts anderes als eine Person, die durch Tapferkeit herausragt,</p>	<p>Слово «герой» больше не употребляется моим поколением (я с 1974 года), но я могу себе представить, что здесь подразумевается не что иное как личность, отличающаяся</p>
--	--

<p>eine Person, die man bewundert und sich zum Vorbild nimmt. Von den genannten Personen weiß ich fast nichts. Ich habe ihre Namen im Unterricht gehört: sie haben auf verschiedene Weise ihr Leben gegen Hitler eingesetzt und verloren. Das ist achtungsgebietend, ja erschütternd. Aber können Menschen, die solchermaßen gescheitert sind, Vorbild für uns sein? Können tragische Gestalten aus der Ausnahmesituation der absoluten Diktatur als Leitfiguren in der normalen Demokratie dienen, in der möglichst überhaupt keine Helden nötig sein sollten?</p>	<p>мужеством, личность, которой восхищаются и с которой берут пример. Об упомянутых вами людях я почти ничего не знаю. Их имена я слышал в школе: они разными способами боролись против Гитлера, что стоило им жизни. Это внушает уважение, даже потрясает. Но могут ли люди, потерпевшие таким образом поражение, служить для нас примером? Могут ли трагические фигуры, находившиеся в чрезвычайной ситуации абсолютной диктатуры, быть примерами для подражания при нормальной демократии, которая по возможности должна вообще обходиться без героев?</p>
<p>Beim Blättern fielen mir zuerst die Gesichter der darin abgebildeten jungen Menschen auf. Mit solchen wäre ich gern befreundet gewesen – zumal in den Hitlerjahren. Dann las ich, las, wie diese idealistischen Studenten, die zunächst mit der neuen Zeit zu gehen bereit waren, enttäuscht und zu Widerstandskämpfern gegen die Nazis wurden – erst unwillig aufbegehrend, dann das Regime planmäßig unterminierend mit der Entschlossenheit derer, die die Lüge durchschaut und das Böse erkannt haben, mit der Klugheit derer, die wissen, dass die totale Herrschaft dem Aufstand einzelner keine Chance lässt: sie würde diese stillschweigend zermalmen.</p>	<p>Пролистывая ее, я сразу же обратил внимание на лица изображенных там молодых людей. С такими как они я бы охотно подружился – особенно во времена Гитлера. Потом я читал, читал, как эти студенты-идеалисты, сперва готовые идти в ногу с новым временем, разочаровавшись, стали участниками антифашистского сопротивления – сначала с негодованием возмущались, а затем планомерно проводили подрывную деятельность против гитлеровского режима с решительностью тех, кто распознал ложь и увидел зло, и с предусмотрительностью тех, кто знает, что тотальная власть не оставляет восстанию одиночек никакого шанса: она молча раздавит их.</p>
<p>Wie klein waren meine Erwartungen an mich, verglichen mit dem, was Hans und Sophie und ihre Freunde getan haben – und noch getan hätten, wenn der Pedell sie nicht verhaftet hatte. Aber alles “umsonst”? Wer gelesen hat, wie sie in den Tod gingen, wird nicht mehr sagen, dass sie gescheitert seien. “Gescheitert” ist da nichts, was nicht schon gescheitert war. Das Versagen der Demokraten, der Gebildeten, der Christen vor der Macht, den Massen, der Ideologie war die Voraussetzung der Tat der Weißen Rose.</p> <p>Vor zwei Wochen bin ich abends tatsächlich an den Platz vor der Münchner Universität gekommen, der nach den Geschwistern Scholl benannt ist. Auf ihm lagen bedruckte Blätter verstreut. Als ich mich bückte, um eines aufzuheben, war es – wie die anderen – ein in das Pflaster eingelassenes Flugblatt der Weißen Rose auf weißen Stein gedruckt.</p>	<p>Как мало ожидал я от себя по сравнению с тем, что сделали вместе с друзьями Ханс и Софи – и еще бы сделали, если бы их не арестовал Педель, университетский комендант. И что, все напрасно? Кто читал, как они шли на смерть, никогда больше не скажет, что они потерпели поражение. Поражение произошло раньше, и потерпели его не они, а демократы, интеллигенция, христиане. Их несостоятельность перед властью, массами и идеологией стала предпосылкой деятельности «Белой розы».</p> <p>Две недели назад я на самом деле пришел вечером на площадь перед Мюнхенским университетом, названную в честь брата и сестры Шолль. На ней были разбросаны отпечатанные листы. Когда я нагнулся, чтобы поднять один из них, он оказался, как и все остальные вделанной в мостовую листовкой «Белой розы», напечатанной на белом камне.</p>
<p>Ich brauche Vorbilder vor allem für die schreckliche Stunde der Bewährung. An</p>	<p>Примеры нужны мне в первую очередь для страшного часа испытания.</p>

denen, die wir zu unseren Helden machen, erkennen wir, was wir uns nicht zutrauen – was wir gerne wären und nicht sind. Wir täten gut, eine Politik zu machen, die uns solche Bewährung erspart. Aber damit ist nicht zu rechnen, und so bin ich dankbar, dass es die Weiße Rose gab.	По тем, кого мы выбираем себе в герои, мы узнаем, на что мы не способны – чем нам очень хотелось бы быть и чем мы не являемся в действительности. Хорошо было бы, если бы мы вели политику, которая избавила бы нас от такого испытания. Но на это нельзя рассчитывать, и поэтому я очень благодарен за то, что существовала «Белая роза».
--	---

Смысловое поле предложенного текста зависит здесь от историко-культурного отношения к действительности. В процессе общения, а перевод – это тоже вид общения, коммуникант дважды меняет рамки референции (отношения) – культурной и языковой. Большая часть текста реализуется в монологической, но внутренне диалогизированной архитектонико-речевой форме и экспрессивной тональности. Здесь ощущается личность пишущего и переводчику удалось правильно передать черты этой личности.

Для текста “*Der Erzzeivilist aus Köln*” – “Штатский человек из Кельна” тоже характерен тотальный перевод. Но здесь сразу же бросается в глаза неточность перевода “*Erzzeivilist*”. Словарь Бассерманна толкует компонент “Erz” в композитах как “*sehr, besonders*”, т.е. «очень, особенно». Следовательно – «сугубо или архиштатский». Но вникнув в содержание после прочтения текста, я бы, пожалуй, согласилась с переводчиком, его вариант перевода заглавия правильный, иначе потерялось бы что-то неуловимое. Но последний абзац текста ставит все на свои места:

So hat der patriarchalische Erzzeivilist aus Köln der deutschen Politik nach 1945 die Richtung gewiesen – mit sparsamer Geste und dürrem Wort.	Так, архиштатский, патриархальный человек из Кельна указал немецкой политике путь после 1945 года – скупым жестом и трезвым словом.
--	---

Здесь «архиштатский человек» очень точно, как результат изложения его политики, характеризует личность К. Аденауэра. Но наверное можно не согласиться или согласиться с большой натяжкой с переводом выражения “mit dürrem Wort” – «трезвым словом», ибо словари дают синоним слову “dürre” – “verdorrt” – “гощий, худой, засохший”. Современники Аденауэра указывали на его простую, чуть ли не примитивную манеру говорить. Но нотариусу из провинции была также присуща безыскусная точность и трезвая деловитость юриста.

И наконец последние два текста “*Amerikanisierung*” и “*Eine normale Nation*?” В этих двух текстах, как и во всех остальных, можно говорить о коммуникативном и семантическом подходе при переводе. Несмотря на то, что в зарубежном переводе прослеживается тенденция к их разграничению, на практике коммуникативный и семантический перевод могут совпадать. Нет чисто коммуникативного и чисто семантического метода перевода текста – в действительности они накладываются друг на друга, как считает психолог Алексеева Т.Д. В заглавие статьи я вынесла «перевод как ‚пусковой механизм‘ при межкультурной коммуникации (по Фесенко Т.А.), отлично сознавая, что коммуникативный перевод ориентирован на реакцию читателя, а семантический перевод ориентирован на точное воспроизведение контекстуального значения оригинала. Существует мнение, что семантический перевод все же хуже оригинала, так как иногда допускается утрата значения, что неизбежно. Благодаря потерям семантического содержания, коммуникативный перевод приобретает большую убедительность, потому что переводчик хочет лучше, привлекательнее передать содержание на родной язык. Сравните переводы текстов:

Amerikanisierung	Американизация
Und so kam es, dass ich nach siebzehnjähriger Abwesenheit von Europa an der Reling eines Schiffes stand, das langsam in Bremerhaven einfuhr. Bald danach betrat ich zum ersten Mal deutschen Boden.	И так случилось, что после семнадцатилетней разлуки с Европой я оказался на палубе судна, медленно входящего в Бременхафенский порт. Вскоре после этого я впервые ступил на немецкую землю.
Eine Zeitlang nahmen wir noch reparaturbedürftige Gegenstände von Amerika nach Deutschland mit, Akten- und Schultaschen, Polster, Uhren etc. und fanden jedesmal auch einen Handwerker, der den Schaden behob, Eines Tages aber, als wir in einem einschlägigen Laden nachfragten, ob unser lecker Teekessel gelötet werden könne, bekamen wir zur Antwort, das lohne sich nicht, wir sollten ihn wegschmeißen und einen neuen kaufen, das sei billiger. Da wussten wir, dass die Amerikanisierung Deutschlands vollzogen war.	Сперва мы брали с собой из Америки в Германию вещи, нуждающиеся в починке, папки и портфели, чехлы от кресел, часы и т.д. и каждый раз находили того или иного ремесленника, который устранил изъян. Но как-то раз, когда в одной соответствующей лавочке мы спросили, нельзя ли запаять наш протекающий чайник, нам ответили, что он того не стоит, чайник надо выбросить и купить новый, это дешевле. И тут мы поняли, что американизация Германии состоялась.

<i>Eine normale nation?</i>	<i>Нормальная нация?</i>
<p>Und dann kam der Zusammenbruch des sowjetischen Systems. Die Möglichkeit einer Vereinigung der beiden deutschen Staaten zeichnete sich ab. Fast alle Menschen begrüßten den Fall des repressiven ostdeutschen Regimes und der Mauer, die die DDR in ein riesiges Gefängnis verwandelt hatte. Aber seit sich die großen Schwierigkeiten des Zusammenwachsens zeigen, mehrt sich die Zahl derjenigen, die sich fragen, ob eine "österreichische" Lösung, d. h. ein eigenständiger demokratischer Staat statt der ehemaligen DDR, nicht vorzuziehen gewesen wäre. Es erhebt sich das Gespenst eines neuen radikalen Nationalismus, einer Ersatzreligion, die schlimmer wäre als die alten Religionen zusammen. Niemand kann voraussagen, wie sich ein so starkes Staatsgebilde mitten in Europa in fünfzig, ja in zwanzig Jahren verhalten wird. Die Vereinigung war nicht aufzuhalten. Sie vollzog sich explosiv mit zunächst noch unübersichtlichen Folgen. Es lässt sich nicht leugnen, dass die sofortige Prosperität, die sich die Ostdeutschen gewünscht hatten, nicht eingetreten ist, dass die Abwanderung in den Westen, die die verantwortlichen Politiker verhindern wollten, nicht aufgehört und dass das Misstrauen zwischen Ost und West sich nur vertieft hat. Einstweilen verhalten sich die Bevölkerungen der beiden Staaten, die es nun nicht mehr gibt, wie Wasser und Öl. Man schüttelt sie tüchtig, damit sie sich mischen, aber sie widersetzen sich und trennen sich immer wieder.</p>	<p>И тут рухнула советская система. Наметила возможность объединения обоих немецких государств. Почти все приветствовали падение репрессивного восточногерманского режима и Берлинской стены, превративших ГДР в огромную тюрьму. Но как только обнаружилось изрядные трудности сращивания, все больше становилось тех, кто спрашивал, не следовало бы предпочесть «австрийский» вариант, то есть на месте бывшей ГДР создать самостоятельное демократическое государство. Встает призрак нового радикального социализма, некоего религиозного суррогата, который был бы хуже, чем все прежние религии, вместе взятые. Никто не может предсказать, как поведет себя такое сильное государственное образование в центре Европы через пятьдесят – какое там – через двадцать лет. Предотвратить объединение было невозможно. Оно произошло как взрыв с непредсказуемыми последствиями. Нельзя отрицать, что мгновенное процветание, на которое так уповали восточные немцы, не наступило, что бегство на Запад, которому ведущие политики пытались воспрепятствовать, не прекратилось и что недоверие между Востоком и Западом только усилилось. Пока что населения обоих государств, коих больше не существует, соотносятся друг с другом как вода и растительное масло. Их старательно взбалтывают, дабы они перемешались, но они упорствуют и снова отделяются друг от друга.</p>
<p>Was aber die Gegenwart betrifft, so kann man sagen, dass für den Fremden ein Besuch in Deutschland angenehmer sein dürfte, solange es eben noch keine ganz "normale Nation" ist.</p>	<p>Что же касается настоящего, то можно сказать: для иностранца посещение Германии оставляет желать лучшего до тех пор, пока она не станет совсем «нормальной нацией».</p>

Мне кажется, что большая часть текстов все-таки нуждается в коммуникативном переводе, т.к. процесс общения происходит в определенной обстановке, ситуации, в определенное время между конкретными людьми и служит естественно конкретным целям.

Эффективность коммуникации, помимо точности перевода, определяется в первую очередь уважением к чужим нормам общения и соблюдением национальных традиций и существующих нравов.

SUMMARY

Die Textkommunikation wird auf Grund der linguistischen, psychischen und Mentalitätigkeit von Kommunikanten verwirklicht. Der Übersetzer ist ein Interpret des konzeptualen Programms, das im Originaltext enthalten ist.

Totale, kommunikative, semantische Übersetzungen sind charakteristisch für die Arbeit der Übersetzer.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации. – Киев: Фитосоцицентр, 2002.
2. Фесенко Т.А. Специфика национального культурного пространства в зеркале перевода. — Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002.